

Книги

Bertrand de JOUVENEL. Vers les Etats-Unis d'Europe.
Paris, 1930, G. Valois (Bibl. Syndicaliste, XXI).

Книга эта признак времени, отрядный и вмѣстѣ тревожный. Все то, о чем говорит автор — радикал-социалист молодой, лѣвой школы — повидимому, с большим знаніем дѣла — не ново для прочитавших и продумавших в свое время «Сумерки Европы» Ландау, «Europa senza Pace» Фр. Нитти, «Econometrical consequences of the Peace» Кейнза, работы Коуденгове-Каллерги, если не считать мастерского юридическаго анализа различных «пактов», так или иначе связанных с Лигой Наций, и краткаго обзора «дипломатической исторіи» послѣдняго десятилѣтія, періода новой «гегемоніи Франціи» в Европѣ. Важно, что в 1930 году такую книгу написал француз. Если не ошибаюсь, в серьезной, ответственной французской публицистикѣ рѣдкая по откровенности, послѣдовательности мысли, категоричности требований книга Жувенеля не имѣет прецедентов. Не знаю также, насколько ее можно считать отраженіем поворота в общественном мнѣніи Франціи, или — фактором его эволюціи. Вряд ли, впрочем, она — явленіе впол-

нѣ единичное и случайное. Вряд ли одно только внутренне-политическое значеніе имѣют послѣдніе французскіе выборы. Проясненіе сознанія, кажется, уже началось во Франціи — и вот слѣдующій за современной европейской хроникой не знает: радоваться ли этому, или тревожиться? Кажется, что трагическій конфликт на основѣ несопавденія во времени уже завязывается. Отношеніе Франціи к побѣжденной Европѣ было до сих пор аналогично отношенію правительства к русскому обществу за період между разгромом первой революціи и началом второй: 1) «Сперва успокоеніе, потом реформы». Пусть побѣжденные народы «успокоятся», дадут «оказательства» того, что они отказываются даже и мечтать о минимумѣ справедливости для себя, а там, «посмотрим». 2) Подобно тому, как правительство в Россіи усвоило себѣ странную юридическую догму, что самодержец не имѣет права отказываться от самодержавія, так во Франціи была усвоена не менѣе странная догма, что мирные договоры настолько «святы», что побѣдители не имѣют права пойти, в интересах побѣжденных, на их пересмотр.

3) Как русское правительство видѣло за Петрункевичем и даже Хомяковым бомбометателей, так Франція видѣла за Штреземаном и Брюнингом Кайзера и Гитлера. 4) Жалкія попытки уличить посмертно Штреземана в соглашательствѣ с «заговорщиками» против договоров свидѣлствуют о наступленіи для Европы протопоповскаго момента, когда власть утѣшала сама себя и оправдывала себя в том, что не повѣрила октябристам и кадетам, и когда уже поздно было пробовать опереться на октябристов и кадетов, — как сейчас для народов побѣдителей уже поздно пытаться сдѣлать ставку на партію центра и на социал-демократов.

Раз уже я вступил на путь сопоставлений, позволю себѣ еще одно, которое напрашивается при чтеніи книги Жувенеля. В ней отдѣльная глава посвящена политикѣ Бриана. Автор (напомню, что он говорит еще о Брианѣ, как живом человѣкѣ) судит ее очень строго. Жувенель упрекает Бриана в том, что он в сущности ничего не добился — и это потому, что ничего серьезнаго не добивался («cet homéopathe...»). Он создал «дух Локарно»? Меньше всего он: этот «дух» создан прессой, за которой стоит нуждающийся в мирѣ финансовый капитал. Мнѣ кажется, что автор к Бриану несправедлив, — как в свое время было несправедливо русское общество к Витте. Трагедія этих людей, как трагедія Штреземана и Брюнинга, была в том, что они брали на себя отвѣтственность за власть, которой

они на самом дѣлѣ не располагали. Самодержец, с которым был вынужден считаться Бриан, Herr Omnes, величина особаго рода. В концѣ концов, он мог сам превратиться в орудіе Бриана. Для этого требовалось его воспитать в «духѣ Локарно». Бриан это и дѣлал. Не его вина, что он не успѣл довести своего дѣла до конца.

Б. Бицилли.

Georges VALOIS. Un nouvel âge de l'humanité. 1928.
Georges VALOIS. L'Economique. 1931. Paris. Librairie Valois.

Жорж Валуа — анархист... роялист... фашист... республиканец. «Я мѣнялся лишь в деталях — увѣряет он, повидимому, с полной искренностью — а в основном оставался вѣрен себѣ».

Он начал молодым, жадным до разрушенія *libertaire*’ом. Провел 20 лѣтъ вѣрным, хотя и своевольным соратником Морраса, возглавляя «Union des Corporations Françaises». Затѣм, круто и шумно порвав с «Action Française», вдохновленный призывом Муссолини, пытался триахнуть Франціей, паскоро сколотив когорты своих собственных фашистов — «синерубашечников». Что случилось потом с когортами — неизвѣстно, но Ж. Валуа уже в лѣвом лагерѣ, в качествѣ революціонера, синдикалиста, республиканца... По стороннему впе-